
современный
любовный
роман
Бывший муж
ПОД НОВЫЙ ГОД
АГАТА БРАНДО

Агата Брандо
Бывший муж под Новый год

https://litres.ru/74875528
SelfPub; 2026

Аннотация

— У нас семья, десять лет вместе, двое детей. А ты целуешься в машине с секретаршей — Я перевела дыхание. — Почему, Макс? Я хочу понять.

Муж сидел хмурый, напрягая мощные плечи и играя желваками на лице.

А я смотрела на него, и боль разрывала грудную клетку. Такой любимый, такой красивый, и такой чужой теперь.

— Так получилось. Она... эффектная и тело у нее молодое, красивое. А у тебя испортилось после родов. И в постели все стало хуже.

— Ты сволочь, Быков, — проговорила я. — Я хочу развода.

А год спустя мы случайно встретились с бывшим мужем в театре. Он зажал меня у стены.

— Я скучаю и хочу вернуть вас, Гель.

— Ни за что, — произнесла твердо. — Поздно, Макс!

— Никогда не поздно! — Он опустил одну руку на мою талию, вторую на затылок, не давая двинуться, и впился в мои губы поцелуем.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	18
Глава 4	26
Г	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Агата Брандо
Бывший муж под Новый год

Глава 1

— Мамулечка, я хочу быть Золушкой. — Дочь крутится у ростового зеркала, размахивая гривой роскошных волос.

— Зайка моя, ты каждую елку наряжаешься Золушкой. Может, в этот раз пойдешь в костюме Белоснежки, который мы купили? Она тоже принцесса.

Глажу ее по золотисто-русым волосикам, длиною до колен.

— Нет. Хочу в голубом платье, как у Золушки, — вспоминает новое пышное платье, которое ей подарила бабушка на день рождения. Такое, как раз, только на елку или на фотосессию.

— Хорошо, Алис. Как скажешь. Тогда давай скорее одеваться, а то опоздаем.

Я оборачиваюсь, потому что в соседней комнате стало подозрительно тихо.

— Илюш! — зову сына.

Он залетает в зал в костюме человека паука, стреляя пау-

тиной из игрушечного пистолетика.

— Я супергерой, я вас обезвредил! — торжественно заявляет Илья, целясь в нас пистолетиком. — Теперь вы мои пленники и должны сидеть тихо.

— Ма, он мне в волосы своей паутиной попал! — Алиса подбегает к брату и хватается на игрушечный пистолет, чтобы отобрать. — А ну, отдай!

— Нет, не отдам!

— Так, тихо, мои сладкие, — подхожу и разнимаю детей. Убираю кусок паутины с волос Алисы. — Все, нет ничего. — Потом перевожу взгляд на сына. — Не будешь стрелять паутиной, и мы с Алиской будем самыми послушными пленниками, — говорю с улыбкой. Уговор?

— Я подумаю, — бубнит сын себе под нос и убегает.

Подарила же свекровь внуку чудо-игрушку. Теперь на всех обоях эта паутина, как предмет декора, будто у нас не Новый год, а Хэллоуин на подходе.

Дети обычно куда спокойнее, но сегодня перед елкой возбудились, вижу, что обоим не терпится поскорее пойти на праздник.

Мы каждый год ходим на елку в театр. Билеты всегда доставал бывший муж. Только в этом году мне пришлось искать их самой. Спохватилась в последний момент в середине декабря. Привыкла, что раньше Максим этим вопросом занимался. Мы уже год, как развелись. Но это не повод отменять традицию. Тем более что Илюше и Алисе это нравится.

— А Дед Мороз на елке будет? — спрашивает сынок, снова забегая в зал.

— А как же! Как всегда, Илюш. Уже летит на санях, чтобы с вами встретиться.

— Дед Мороз ни на какие елки не летает, — фыркает Алиса. — Это чей-то папа надевает бороду и красное пальто и притворяется, что он дед. Я видела такого в школе, он совсем не похож на Деда Мороза, который был в театре в прошлом году. Так что настоящего ты не увидишь, — выдает она брату с вызовом. — Его, может, вообще нет.

— Это правда, мам? — сын смотрит на меня большими глазами.

А я думаю, в какой момент моя дочка стала такой колючкой и разучилась верить в чудо?

После развода Алису будто подменили. Она очень любит папу и тяжело перенесла расставание.

Я и сама до сих пор не могу оправиться.

— Дедушка Мороз есть, сынок. Он живет на Севере, и раз в год прилетает, чтобы поздравить всех хороших детишек. У него целая команда. И на некоторые елки правда приходят его помощники. Дедушка старенький, он не может везде успеть.

— Я хочу увидеть настоящего! — проговаривает Илья, как заклинание, и глаза сына загораются азартом.

— Тогда давайте скорее собираться. Что-то мне подсказывает, что именно на нашу елку прилетит настоящий.

— Ура! — радуется Илюша.

А Алиска только закатывает глаза.

Слишком рано моя девочка перестала верить в чудеса. Она ведь еще совсем ребенок. Семь лет, а скепсиса, как у взрослой.

Еще в прошлом году она радостно фотографировалась с Дедушкой Морозом и рассказывала ему, что хорошо себя вела.

А потом мы с ее отцом развелись. И меня не отпускает ощущение, что это из-за нас она стала такой.

Я не хотела рушить семью. Я думала, что мы с мужем встретим вместе старость. Что у нас еще дети будут. А потом и внуки.

Но простить то, что сделал Максим, я не могла.

До сих пор моя рана свежа и кровоточит каждый раз, когда думаю о бывшем муже.

Год назад, только уже после новогодних праздников, в январе я выходила от подруги и увидела машину мужа. Сразу узнала марку, а когда подошла ближе, поняла, что и номера его. Еще подумала: странно, я не говорила ему, что буду у Алены, не просила меня забирать.

Я пошла к машине. Был темный, зимний вечер. И уже, когда подошла почти вплотную, увидела мужа с молоденькой секретаршей, Анфисой. Блондинка с пересушенными волосами и накачанными губенками.

Анфиса с Максимом целовались на переднем сидении.

Макс за рулем, а эта профурсетка в одном лифчике и офисной юбке села на него, разве что на голову не забралась. Хотя потом она еще и успешно с его шеи ноги свесила, знаю, слухи дошли.

Иронично, оказалось, что она живет в одном подъезде с моей подругой Аленой. И подруга еще и знала эту Анфису. Вот так думаешь, что живешь в большом городе, а по факту, как в деревне. А Максим мой свою профурсетку в тот вечер любезно подвозил до дома. Вот и встретились.

Я тогда подошла, дернула ручку двери на машине. Оказалось заперто.

Но они меня заметили.

Муж тут же скинул с себя Анфису. Разблокировал двери и вышел сам, зачесывая рукой растрепанные волосы, будто это могло в тех обстоятельствах скрыть следы его измены.

А я уже шла прочь, борясь с головокружением и едва не наворачиваясь на скользком льду.

— Ангелина, стой! — крикнул мне вслед.

Сердце разрывалось от боли в тот момент. А моего мужа хватило только на: “Ангелина, стой”! Дальше даже не пошел за мной. А я и не хотела.

Так я сейчас себе говорю. Что не хотела. Хотя, если быть честной самой с собой, в тот момент хотела, еще как хотела, чтобы прощения просил, чтобы умолял меня, чтобы говорил, что ошибся.

Но он не говорил.

Вечером муж пришел домой, когда дети уже спали, а я допивала на кухне третью чашку кофе.

Глава 2

Муж молча сел за стол, а я потребовала развод.

Слово за слово. Конструктивной беседы не получилось.

Макс кричал, что не виноват, что эта Анфиса сама на него полезла, что он не хотел.

Все же искал отговорки. Мне невыносимо в тот момент было. Но то, что он пытался оправдаться слабо говорило мне о том, что он все еще любит. Что он просто оступился.

Анфиса сама на него полезла… Он не хотел…

Слушала эти слова, и сердцем хотела верить, но умом все равно понимала, что это ложь.

Я своими глазами видела, как муж ее лапал. Он хотел. Хотел ее! У него страсть глаза затуманивала.

— Просто скажи, почему? — спросила я тогда на кухне. — Даже если это она начала. Я хочу понять, почему ты поддался. Ради чего?

— Так получилось. Она… — он замялся, подбирая слова, или просто не желая их говорить. —Она эффектная, яркая и тело молодое, подтянутое.

Как же били по мне эти слова. Будто нож вонзили в грудную клетку и провернули там, ломая ребра. Макс знал, как тяжело я переживаю старение.

Я все еще оставалась молодой, тридцать один год, но все же, мне пошел четвертый десяток, и это отражалось на внеш-

ности. А как иначе? Только меня это страшно задевало. Потому что я знала, что мужу нравятся молодые.

И он знал, как мне не нравится, когда он с интересом смотрит на молоденьких актрис по телевизору, на молоденьких девушек на улице. Как он пожирает их глазами, как разглядывает грудь и задницу. А девушки ведь еще так стараются все это дело обтянуть, чтобы мужики смотрели.

Да, я понимаю, это природа. У него это в крови. Тяга к молодым. Но я ничего не могла с собой поделать. Меня это задевало. Он это знал! И сказал мне именно то, что мне было больнее всего услышать.

Моя молодость уходит, и муж решил переключиться на более красивых, с хорошими телами. Теперь он не просто смотрел. Он трогал и пробовал на вкус.

Ну и как можно такое простить? А пережить как, чтобы с катушек не съехать от боли?..

Я пыталась вспомнить, сколько этой секретарше лет. Двадцать с небольшим. Не больше двадцати пяти. Я старше нее всего лет на семь. Но эта разница была ощутима. В беременность я сильно поправилась, а позже похудела. Естественно кожа не осталась такой же идеальной, какой была раньше.

— Я тебе двоих детей родила! — произнесла тогда на кухне с отчаянием.

И муж добил меня.

— Она тоже рожала, но потом в зале пахала, чтобы вернуть форму. Хочешь правду, Гель? У тебя все убитое после

родов. Грудь, живот, бедра. И в постели я чувствую разницу.

Он перевел дыхание, будто понял, что сказал лишнего, и добавил, стараясь сгладить углы:

— Раньше у тебя там лучше было.

А у меня не осталось самообладания.

— Какая же ты сволочь, Быков, — прошептала я и заплакала.

Мы провели бессонную ночь, не так, как это бывает между счастливыми супругами, нет, мы всю ночь ссорились. Думаю, в какой-то момент даже дети все услышали и поняли, хоть мы и орали друг на друга шепотом. И в итоге Максим согласился развестись. Потому что понял, что это конец. Что чтобы он не говорил и не делал, мне стало одно его присутствие рядом противно.

Я возвращаюсь мыслями в реальность, стараясь вернуть себе хорошее настроение и настроиться на праздник. Ради детей.

Алиса уже натягивает на себя голубое платье принцессы. Ткань переливается блестками, юбки шуршат. Сын снова носится по квартире, стреляя паутиной в стены, в диван, в невидимых злодеев.

Я смотрю на него строго, и Илья опускает игрушку.

— Больше не буду.

Так-то лучше. Хотя верится с трудом.

Я тоже собираюсь. Подхожу к шкафу и снимаю с вешалки белый брючный костюм. Он строгий и в тоже время наряд-

ный.

Садится идеально.

Поправляю прямые каштановые волосы. Потом причесываю дочку, собираю ей волосы в высокую прическу, как у Золушки, и идем одеваться.

Обуваю белые сапоги на устойчивом каблуке и белую шубку из экомеха.

— Мам, ты красивая, как Снегурочка, — говорит мне дочка.

— Спасибо, милая. А ты у нас самая красивая принцесса.

Застегиваю на сыне толстую куртку, пока дочь поправляет капюшон перед зеркалом, чтобы не замять прическу. Илюша так и остается в маске человека-паука. Она, как балаклава, покрывает всю голову, оставляя только отверстие для носа и глаз. Прямо поверх нее одеваю сыну шапку и капюшон. И, наконец, выходим.

На улице еще светло. Снег лежит плотно, воздух морозный и свежий. Изо рта выходят белые облачка пара. Я беру детей за руки, и мы идем в сторону остановки. Она рядом, за углом.

Автобус приходит быстро. Внутри тепло, пахнет воздухом из печки и влажной шерстью. Дети садятся на двойное сидение, а я встаю рядом с ними.

Город за окном покрыт белоснежным ковром и кажется немного сказочным. На нашу радость выпало много снега, стоит стабильный минус и нет никакой грязи. Вдобавок ко

всему погода не ветренная. Мягкая, снежная зима, о которой можно только мечтать.

Театр после ремонта. Немного пахнет краской. Голоса и детский смех отражаются эхом от стен. Мы сдаем куртки в гардероб. Вокруг суета, родители, дети в костюмах, все говорят, все спешат. И вдруг мне кажется, что в толпе мелькает знакомый профиль.

Макс.

Сердце на секунду сбивается с ритма. Но я тут же говорю себе, что это просто игра воображения. Мне показалось.

Мы идем в сторону главного зала, и я ощущаю дежавю. Воспоминания заполняют мою голову внезапно и стремительно, как дым.

Год назад я точно также шла по этим коридорам. В одной руке ладошка сына, в другой — дочки. А рядом Макс. Мы были здесь вчетвером. Мы хохотали в голос, потому что Илья сказал что-то забавное, что-то про мандариновые елки, было очень смешно. А потом дети стали переговариваться между собой, а Макс наклонился ко мне и сказал на ухо, почти шутя:

— Может, еще одного?

Я тогда рассмеялась и ответила:

— Ты серьезно?

А он улыбнулся и посмотрел на меня с такой нежностью, как умел только он:

— Просто представил, что нас будет больше, и мне понра-

вилось.

И я кивнула.

Это был последний раз, когда он так на меня смотрел.

Когда так говорил.

Будто последний момент счастья в нашей, тогда еще полной семье.

Больше нас так и не стало. Увы.

По громкоговорителю объявляют, что всем нужно собраться в главном зале. Скоро начнется представление и сама елка. Мы с Ильей и Алисой пробираемся вперед, лавируя между другими детьми.

Наконец, доходим до зала. В центре стоит большая елка в два этажа. Она сияет разноцветными огнями, а на макушке красуется большая, красная звезда. Вокруг толпятся дети и родители. Фоном звучит музыка. Пахнет сладкими духами.

Мы встаем на более-менее свободном месте в кольце толпы. Дети прижимаются к моим бедрам. Я окидываю людей взглядом. Дети яркие, нарядные, красивые. Родители, бабушки и дедушки общаются между собой, на лицах улыбки. Обстановка такая семейная, что я в самом воздухе ощущаю это настроение единения и предвкушения праздника.

И тут взгляд выхватывает из толпы знакомое лицо. Совсем недалеко от нас.

Макс.

Все-таки мне не показалось в первый раз.

Сердце предательски быстро начинает колотиться, стоит

мне узнать бывшего мужа.

Высокий, широкоплечий, красивый, в черном костюме. От него исходит эта дикая энергетика брутального самца, которую невозможно не почувствовать.

Мы встречаемся взглядами. Максим белозубо улыбается, будто он голливудская звезда перед объективом камеры. Всегда так уверен, так обаятелен. Я замечаю, что женщины, стоящие рядом, на него поглядывают. Даже сейчас, на детской елке мамочки пожирают его взглядом. Только он не обращает на них внимание. Смотрит на меня еще пару секунд, а потом исчезает в толпе.

Я выдыхаю, когда теряется наш зрительный контакт. До сих пор больно видеть бывшего мужа.

Что он вообще тут делает? Явно не к нам пришел. Неужели он тут со своей Анфисой и ее сыном?

— Привет, — раздается голос бывшего за спиной.

Я оборачиваюсь и вижу, что он держит за руку мальчика лет пяти. Это сын Анфисы. Наверняка. Он тоже в костюме человека паука, как мой Илюша. Красно синяя ткань. Балаклава на голове. Лица не видно.

Я никогда не встречалась с ним. Только знаю, что его тоже зовут Илья, и что он на полгода младше моего.

У меня сжимается сердце. Потому что Максим привел на елку своего нового сына. Мальчик ведь наверняка считает его своим новым папой. Я понимаю, что это норма… Он живет с Анфисой и воспитывает ее сына. Но как же тяжело ока-

залось увидеть их вместе. Будто Макс забыл, что у него есть свои дети. Он не пошел на эту елку с нами. Не пошел рядом с Алисой и нашим Ильей. Он пошел со своей новой семьей.

Теперь они семья.

И меня не отпускает чувство обиды, будто Анфиса не просто отобрала у меня мужа. Она отобрала у нас полную, счастливую семью.

Глава 3

Как же больно видеть, как отец моих детей теперь в другой семье. Словно прошлую жизнь можно просто вычеркнуть, сложить в коробку и убрать подальше, а самому войти в новую, счастливую с чистого листа.

Я смотрю на Максима и чувствую, как внутри все сжимается. Он стоит уверенно, спокойно, как человек, у которого все под контролем. Новая роль, новые люди рядом, новая семья. А мы остались где-то по другую сторону его жизни, словно старая мебель, которая переехала на дачу.

Я понимаю, что скучаю по тем временам, когда мы были вместе. По его теплому боку утром в постели, по его голосу, по ощущению сильного мужчины рядом. Но его предательство смогло все перечеркнуть, как чернила, вылитые на белый лист. Я не могу простить. Даже внутри себя. Просто, чтобы мне самой стало легче. До сих пор не могу. Как бы ни ныло внутри, как бы ни хотелось иногда закрыть глаза и сделать вид, что ничего не было.Предательство не стирается временем. Оно просто оседает где-то глубоко, на дне души и напоминает о себе в такие вот моменты.

— Привет, — отвечаю я, взяв себя в руки.

Илья с Алисой поворачиваются на голоса.

— Папа!

Алиса сразу подлетает обнимать отца. Макс садится на

корточки, обнимает ее, потом нашего сына. А я замечаю, что за спиной у бывшего мужа стоит охранник, он же водитель. Сопровождает.

Мальчик тоже здоровается. Они с Ильей переглядываются.

Детям, наверняка, тоже больно видеть, что их отец пришел с новым ребенком, а не с ними.

Прямо столкновение новой и старой семьи. Аж вся атмосфера легкости ушла.

Только Анфисы нигде не вижу. Наверное пошла нос попудрить.

У нее явно жизнь удалась, а нам пришлось пройти все круги ада с ее подачи.

Суд. Дележка имущества. Алименты, которые бывший муж переводит исправно, почти демонстративно.

И еще Максим оставил нам вторую квартиру. Большую, трехкомнатную. Мы переехали туда с детьми, стараясь сделать ее домом. А он остался в нашей старой двухэтажной, в центре. Она больше, красивее, и там было столько счастливых воспоминаний.

Теперь там живет Анфиса и ее сын. Наверное. Я никогда не спрашивала. Больно думать об этом.

Когда-то мы были счастливы в этой квартире.

А потом появилась Анфиса. Запала на богатого, красивого босса, и решила, что может увести его из семьи. У нее вообще нет морали. Сына своего нагуляла еще в юности неиз-

вестно от кого, ребенок с отцом никогда не жил, как говорят соседи этой Анфисы.

И почему Макс выбрал именно ее?

Изголодался по молодому телу? До сих пор не могу смириться, что это оказалось для него важнее, чем сам человек, чем душа, чем совместное прошлое. Просто молодая, меркантильная кукла победила.

Хотя я и не боролась с ней. Могла бы. Но зачем мне такой муж? Не Анфиса, так потом появилась бы другая…

— Ангелина, — обращается ко мне бывший муж, поднимаясь и нависая надо мной скалой. — Прекрасно выглядишь.

— А ты почти не постарел, — отвечаю ему.

Он улыбается, будто я сказала комплимент.

— Все такая же. Острая на язык. Молодец, дорогая, не сдаешь позиции.

Как же. Так и хочется влепить ему пощечину за эту издевку. Потому что не знаю, как еще расценивать его слова, ведь при разводе он явно дал понять, что я постарела, испортилась, а значит, сдала позиции.

Гад!

Я только хочу ответить ему, мягко, чтобы дети не поняли, но тут начинается представление.

Дети выбегают вперед, их просят подойти ближе к елке. Охранник встает рядом с моими детьми и другим Ильей, охраняя их. Мы с Максимом остаемся чуть позади.

— Где же Анфиса? — все же не выдерживаю я, скользя взглядом по залу и нарочно не глядя на бывшего мужа. Голос ровный, почти ленивый. — Что-то долго ее нет. Опять прочищает желудок после обеда, чтобы оставаться красивой?

Максим слегка приподнимает бровь, уголок губ дергается вверх. Он отвечает спокойно, будто ждал от меня подобного вопроса:

— Ее здесь нет.

Он делает паузу, смотрит прямо на меня, и в этом взгляде появляется знакомая искорка.

— Ревнуешь?

Я поднимаю брови, у меня вырывается нервный смешок. Смотрю в глаза бывшему холодно и произношу без тени сомнения:

— Не мечтай.

Макс тихо смеется, чуть склоняется ко мне, понижая голос, будто делится чем-то личным:

— Ревнуешь, — уже не спрашивает, утверждает. — Я скучаю, Ангелин.

По телу пробегают мурашки. Я резко вздыхаю и отшатываюсь от Макса, будто меня ударило током.

За ребрами начинает щемить.

Как он может? Как может так издеваться надо мной?

— Ты шутишь?

Он только хочет что-то ответить, но в этот момент ведущий громко объявляет следующую часть программы, музы-

ка накрывает зал, и наш разговор обрывается, повисая между нами недосказанным.

Максим снова наклоняется ко мне, когда музыка чуть стихает. Голос низкий, уверенный, расположенный, будто мы по прежнему по одну сторону.

— У меня с Анфисой ничего нет. Мы не вместе. Она просто попросила отвезти Илью на елку, сама сегодня не могла. Мальчик меня знает, я не стал отказывать. Не ради нее. У ребенка должен быть Новый год.

Я медленно поворачиваю голову. Смотрю на бывшего внимательно, спокойно, почти отстраненно. Внутри все кипит.

— Как благородно, — произношу с едва заметной усмешкой. — А про своих детей ты забыл?

Он чуть морщится, будто я задела его за больное, но быстро берет себя в руки. Пожимает плечами.

— Я хотел купить им билеты. Но мама сказала, что ты уже это сделала и сама их ведешь.

Вот как. Значит, все, что происходит у нас, свекровь передает своему сыну в подробностях.

Я отвожу взгляд, сжимаю телефон в руке, чтобы не сказать лишнего.

Представление тем временем набирает обороты. Дети смеются, тянутся к сказочным героям, хлопают в ладоши. Я фотографирую Алису и Илью со стороны, ловлю их радостные лица, стараясь сохранить этот момент на кадрах.

И вдруг чувствую, как к горлу подкатывает тошнота. Сначала легкая, потом настойчивая. Я делаю вдох, еще один, но воздух слишком тяжелый и приторный.

Максим стоит рядом и сразу это замечает. Его рука ложится мне на плечо, уверенно, привычно.

— Что с тобой, Гель? — спрашивает с тревогой. — Опять плохо?

Он помнит. Эти залы, толпа, запахи духов, духота. Иногда все проходит нормально, а иногда я не выдерживаю, и меня начинает мутить от такого воздуха.

— Я отойду, — говорю я, аккуратно убирая его руку. — Могу оставить на вас с охранником детей?

Он кивает, бросает быстрый взгляд в их сторону.

— Разумеется. Мирон надежный, почти как нянька. Я бы ему жизнь доверил. Проводить тебя?

Я сразу качаю головой.

— Нет. Я сама. Лучше следи за детьми.

И разворачиваюсь, не давая ему времени на возражения.

Ухожу быстро, почти не глядя по сторонам. Убегаю не только из этого зала, но и от встречи, от Макса, от той боли, что испытываю в его присутствии.

В туалете яркий свет мерцает и режет глаза. Я подхожу к раковине, включаю холодную воду и подставляю ладони. Смачиваю запястья, шею, а потом и лицо кончиками пальцев, чтобы не размазать макияж. Дышу ровно, стараясь вернуть контроль. Сердце все еще бьется неровно, но постепен-

но отпускает.

Потом иду на выход, толкаю дверь, ведущую на улицу, но не выхожу, просто дышу через образовавшуюся щель. С улицы тянет морозом. Я вдыхаю холодный воздух. Он колючий и чистый. Обжигает легкие, но вместе с этим возвращает ясность.

На улице начинает темнеть. Снег идет медленно. Крупные снежинки кружатся в свете фонарей, падают на ступени, на перила, на темную плитку. Они летят так спокойно и безмятежно.

Я смотрю на них и думаю о том, как странно складывается этот день. Почему мы с Максом встретились именно сегодня? Будто сама судьба не хочет, чтобы мы нарушали семейную традицию, чтобы отец оказался рядом с детьми.

Даже страшно подумать, как легко мы потеряли нашу семью. Одна ошибка, одна случайность, и столько жизней сменили свой вектор. Ведь все изменилось не только для нас с Максимом, но и для наших детей. Их мир, из стабильность и ощущение, что мама и папа всегда вместе, разрушились.

Эту потерю уже не заполнить ничем. Никакими подарками, никакими праздниками, никакими правильными словами. Можно только научиться жить с ней, как с пустотой в душе, которая иногда напоминает о себе болезненным спазмом.

Холод постепенно пробирается под одежду. Я чувствую, как начинаю дрожать. Уже собираюсь возвращаться. Но не

успеваю сделать шаг назад.

На мою талию ложится рука. Горячая, тяжелая.

Я замираю. Мне не нужно оборачиваться, чтобы понять, кто это. Я узнаю это прикосновение мгновенно. Так же, как узнаю запах. Его запах. Сладкий и свежий, знакомый до боли. Слишком родной для человека, который давно должен был стать чужим.

Глава 4

Я поворачиваюсь к бывшему мужу, который обнимает меня со спины.

— Ты что себе позволяешь?! — Голос срывается, в нем слишком много всего сразу. Злость, обида, растерянность.

Резко отстраняюсь, вырываясь из его рук. Но кожа все еще пульсирует от его прикосновения.

— Ты замерзла, — отвечает он спокойно, будто не пытается оправдаться, а просто подмечает факт.

— И ты решил меня облапать? — я делаю еще шаг назад, упираясь плечами во вторую дверь, ведущую внутрь здания. — Очень удобная отговорка, прикрыться якобы заботой.

Он спокоен, уверен в себе, а я вся напряжена. И я проигрываю на его фоне. Поддаюсь эмоциям, будто для меня происходящее значит намного больше, чем для него.

Он смотрит на меня внимательно. В его взгляде мелькает что-то знакомое, отчего сердце в груди предательски дергается.

— Ты дрожала. Точно так же, как зимой на катке, когда мы были только вдвоем. Ты делала вид, что тебе не холодно в своем красивом тонком пальто, от которого я тебя отговаривал. Помнишь?

— Не надо, — перебиваю резко. — Не надо подсовывать мне свои дурацкие воспоминания. Они ничего не значат. Ты

все перечеркнул, Максим.

Я вижу, как его челюсть напрягается. Он на секунду отводит взгляд, будто подбирает слова.

— Я жалею. Что потерял вас.

— Поздно, — отвечаю сразу, не давая ему развить мысль. — И почему ты сейчас здесь? Зачем оставил детей? Я же просила побыть с ними. Ты в очередной раз доказал, что на тебя нельзя положиться.

Я дергаю дверь и захожу обратно. Теплый воздух ударяет в лицо, но мне все равно холодно. Каблуки гулко стучат по полу, звук отражается от стен. Впереди шумит елка, музыка, смех, детские голоса. Там праздник. Там жизнь продолжается. А здесь, в этом коридоре, почти пусто и слишком тихо.

Я слышу, что Макс идет за мной. Спина напрягается. Я ежусь, не только от холода. Он догоняет меня быстро. А я не понимаю, как расценивать его слова, его поведение. Зачем он говорит мне все эти вещи? Зачем трогает…

Иду дальше, бывший муж равняется со мной.

— Гель, — говорит он, понизив голос. — Дети с Мироном. Все под контролем. Смотри.

Он указывает вперед, в зал с елкой, который просматривается через арку, и я действительно вижу Алису, Илью и другого Илью. Они стоят рядом с елкой, Мирон чуть позади, внимательный, собранный.

— Молодец, — сухо отвечаю я. — Я пошла к ним.

— Погоди, Гель.

Он ловит меня за руку. Пальцы сжимают запястье крепко, почти болезненно. Я оборачиваюсь, сверлю бывшего мужа взглядом.

— Давай поговорим. Мы два месяца не виделись. Ты не берешь трубку, когда я звоню. Когда прихожу за детьми, ты даже разговаривать со мной не хочешь.

— Потому что не о чем, — говорю жестко. — У тебя теперь новая семья. Анфиса и ее сын. Нового ребенка еще не ждете?

Слова выходят ядовитыми, хотя я не планировала их произносить. Желчь лезет сама. Потому что боль никуда не делась. Я просто научилась с ней жить.

— У меня ничего нет с Анфисой, — отвечает он быстро. — Я не вру тебе. Гель, это была моя единственная ошибка, и я уже за нее заплатил. Да, меня тогда бес попутал. Но я уже взял себя в руки. Переосмыслил все. Я тысячу раз успел пожалеть о том, что сделал. Мне не нужна Анфиса. Я хочу вернуть все, как было. Вернуть тебя. Тебя и наших детей, Гель.

Сердце дергается, будто его ударили током. На секунду мир перед глазами начинает кружиться и будто пульсировать. Музыка глохнет, лица впереди размываются.

В голове лишь одна мысль.

Как он смеет говорить это сейчас? После всего.

— Ты точно сошел с ума, — произношу твердо. — Между нами ничего невозможно. Ты предал меня. Развалил нашу

семью. Ты лишил детей отца, который всегда был бы рядом. Нельзя просто взять и вернуть все, как было. Это так не работает!

Я чувствую, что слезы подступают к глазам. Не позволю себе заплакать при нем, не покажу насколько мне больно. Я пытаюсь уйти, но Макс снова ловит меня за руку, тянет к себе.

— Я оступился, — говорит глухо. — И хочу все исправить.

— Поздно пить боржоми, когда почки отказали, — бросаю резко, почти на грани истерики.

— Геля, — он наклоняется ко мне, его голос становится жестким, отчаянным. — Никогда не поздно. Я больше не отпущу вас.

Он делает резкий шаг вперед, прижимает меня к стене своим телом. Камень холодный, я упираюсь лопатками и не могу двинуться, я не успеваю ни оттолкнуть, ни отреагировать. Его ладонь фиксирует мою талию, вторая ложится на затылок.

И прежде чем я успеваю вдохнуть и сказать, он впивается в мои губы горячим, жадным поцелуем.

Γ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.